

Александра Афанасьева

Шёпот сердца

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А94

Афанасьева А.

А94 Шёпот сердца / Александра Афанасьева. – М.: Литнет, 2026. – 216 с.

ISBN 978-5-521-98978-2

Потеряв память, я очнулась в доме главы инквизиции. Мужчина до ужаса пугает всех, одной только ледяной аурой. Хозяин дома назначает меня служанкой и ясно дает понять о своем интересе к моей скромной персоне. Вот только по ночам мне снится таинственный незнакомец, а сердце так и рвется к его горячей ауре. Огонь и лед. Сон и явь... Но главный вопрос остаётся открытым, кто я и кому выгодно мое исчезновение?

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-98978-2

© Литнет, 2026

© Афанасьева А., 2026

Глава 1

Первое, что пронзило моё сознание – терпкий, пряный запах сухих трав. Он висел в воздухе, густой и навязчивый. Я резко распахнула глаза, и увидела над собой незнакомый потолок с тёмными балками, по которым плясали тревожные тени.

Осторожно, с тихим стоном, я приподнялась на локтях. Комната была чужая, тихая, пропитанная запахами камфоры и старого дерева. Белые простыни, строгая железная кровать, сундук в углу – всё это напоминало лазарет или скудную больничную келью. Тишину нарушало лишь тихое потрескивание поленьев в камине – звук, который почему-то успокаивал, напоминая, что мир вокруг всё ещё жив. Комнату освещали неровные отблески пламени и два одиноких язычка свечей, чей свет боролся с мраком, теряющимся в углах.

Каждое движение давалось с трудом, будто тело было налито свинцом. Я спустила ноги с кровати, и холод деревянного пола пробрал до мурашек. На мне была чужая сорочка – длинная, грубоватая, белого цвета. Такой я никогда не носила... А что я носила? Что я вообще помню?

Я напрягла память, пытаясь ухватить хоть что-то – имя, лицо, место. Ничего. Только пугающая, звенящая пустота, будто кто-то взял и аккуратно вынул всё содержимое, оставив лишь холодные, гладкие стенки сознания.

Опираясь на спинку кровати, я подошла к окну, надеясь найти хоть какую-то приметку во тьме. Но за стеклом царила непроглядная, густая чернота, будто мир за стенами этого дома перестал существовать. Это была тьма не перед рассветом, а настоящая, глубокая ночь, всепоглощающая и безнадёжная.

Желая почувствовать хоть какую-то реальность, я стала осматривать комнату. И нашла. Большое зеркало в темной раме, затянутое легкой дымкой времени. В нём отразилась девушка.

Незнакомка.

Смотрела на меня миловидная, но изможденная девушка с расчёпанными волосами цвета тёплого мёда. Её – мои? – глаза ярко-зелёные, как лесные озёра в солнечный день, казались огромными на бледном лице. Пухлые губы, вздёрнутый носик, правильные черты... Она была красива. Но это была не я. Каждая клеточка моего существа, лишённого памяти, кричала об этом. Это чужое лицо. Чужое отражение.

«Кто я?» – беззвучно прошептали мои губы. «Что со мной случилось?»

В отчаянии я провела пальцами по волосам, и под ними нащупала на шее тонкую цепь. Кулон. Серебряный, изящный, холодный. Он будто пульсировал едва уловимым теплом, храня в своих изгибах какую-то тайну. Ключ? Или просто украшение? Ум отказывался понимать.

Голова заныла от бесплодных попыток думать. Я, пошатываясь, вернулась к кровати и укрылась одеялом, пытаясь сосредоточиться на чём-то простом. На ощущении грубой ткани, на запахе дыма... Но память молчала, и от этого бессилия внутри закипала ярость.

– Проклятье! – сорвалось с губ хриплым, сдавленным шёпотом, который тут же перерос в крик. – Где же я?!

– Вы в особняке господина Майкла Мирэя, – прозвучал спокойный, низкий женский голос у двери.

В комнату вошла женщина. Средних лет, в белом холщовом халате, с добрым, уставшим лицом, испещрённым лучиками морщин. Из-под простой шапочки выбивались пряди седых волос. В её взгляде не было ни страха, ни вражды – лишь тихая усталость и глубокая, профессиональная жалость.

– Рада, что вы пришли в себя, – сказала она, и её улыбка сделала лицо мягче.

– Кто... кто такой господин Майкл Мирэй? – спросила я осторожно, сжимая в кулаках край одеяла. Как вести себя? Что от меня ждут?

Женщина слегка приподняла брови.

– Вы серьезно не знаете?

– Я... я ничего не помню, – призналась я, опуская глаза. Стыдно было говорить это вслух. – Абсолютно ничего. Даже своего имени.

Лекарь (а в её облике и манерах безошибочно читалась профессия) задумалась на мгновение, а потом её взгляд стал каким-то пронизательным, почти философским.

– Тогда вам открылся удивительный шанс, дитя моё. Не каждому дано начать всё с чистого листа. А вы можете. Вы можете выбрать себе любое имя и построить жизнь заново. Правда, звучит заманчиво?

Она подошла к простому деревянному столу, где стояли склянки и пучки сушёных растений. Ловкими, привычными движениями она начала смешивать травы в глиняном стакане.

– Меня зовут Беатрис. Я лекарь в доме господина Мирэя. Уже двадцать лет служу здесь, – она говорила ровно, наливая в стакан воды. Настойка потемнела. – Это придаст вам сил. Выпейте до дна. Я выхаживала вас всё это время, и уж точно не для того, чтобы сейчас вас травить.

Она протянула мне стакан. Я взяла его дрожащими руками. Горьковатый, травяной запах щекотал ноздри.

– Елена, – вдруг вырвалось у меня само собой, будто это имя дремало где-то на самом дне пустой памяти и только сейчас всплыло, как щепка.

– Отлично, – кивнула Беатрис, и в её глазах мелькнуло одобрение. – Значит, с именем вы определились. Это уже начало.

Я залпом выпила тёплую, терпкую жидкость, морщась от вкуса полыни и чего-то ещё, цветочного.

– Не знаю, моё ли это имя... Оно просто пришло в голову, – пробормотала я, возвращая стакан.

– Пусть пока будет вашим, – мягко сказала Беатрис. – Потом разберёмся.

- Беатрис, – голос мой дрогнул. – Как я здесь оказалась?
- Могу я присесть?
- Да, конечно, – я подвинулась, давая ей место.
- Раз вы готовы слушать, я готова рассказать...

Беатрис удобно устроилась на краю постели, и скрип пружин прозвучал в тишине громче, чем следовало.

– Господин Мирэй обнаружил вас на краю лесной дороги, когда возвращался верхом поздним вечером, – начала она, и её голос, тихий и ровный, был похож на журчание ручья. Она внимательно следила за моим лицом, будто боялась, что резкое слово может разбить хрупкое стекло моего сознания. – Вы были почти без чувств, промерзшие насквозь. Он завернул вас в свой кафтан и привёз сюда. Я занялась вашим здоровьем. Вы были без сознания, сильно переохлаждены, но, к счастью, целы. Ссадины и синяки – пустяки, не угрожающие жизни.

– Спасибо вам, – прошептала я, и слова показались непростительно малыми для такой заботы. В голове кружилась карусель вопросов. – Всё это... так загадочно. Что будет со мной дальше?

– Решение о вашей судьбе ещё не принято. Завтра я сообщу господину, что вы пришли в себя. Думаю, он пожелает увидеть вас и побеседовать, – Беатрис мягко улыбнулась, и морщинки у глаз сложились в лучики. – А сегодня вам нужно одно – сон. Каким бы ни был его вердикт, силы понадобятся любые. – Она накрыла своей тёплой, сухой ладонью мою холодную руку, и это простое прикосновение стало якорем в море неопределённости.

– Каков он? Господин Мирэй? – вопрос вырвался, едва я осмелилась вдохнуть.

– Не тревожьтесь прежде времени. Он человек хороший, – она на мгновение задержалась на слове «человек», вкладывая в него некий скрытый вес. – Сильный. Могущественный. Светлый маг и глава инквизиторского суда. Рассудительный, не подвластный сиюминутным порывам. Его решения всегда обдуманно. Вам ничто не угрожает под этой крышей.

– Инквизиция? Маг? – я застыла, будто её слова были заклинанием, превратившим воздух вокруг в лёд. Магия? Это же сказки, детские выдумки! Или... или нет?

– Милая, – в голосе Беатрис прозвучала лёгкая, почти материнская жалость, – словно вы с луны к нам свалились. Неужели даже память о магии стёрта?

– Нет... – я бессильно покачала головой, и мир вокруг будто потерял последние знакомые очертания.

– Если господин сочтёт возможным оставить вас здесь, мы обязательно займёмся вашей памятью. Вам предстоит узнать столь многое о нашем мире – прекрасном и полном тайн. Но это всё потом. А сейчас – сон.

– Вы, наверное, правы, – покорно согласилась я, чувствуя, как наваливается свинцовая усталость.

– Тогда спокойной ночи. Постарайтесь не думать о завтра. Решайте проблемы по мере их поступления, – её совет прозвучал как мудрость, выстраданная годами. – Если вы сейчас изведёте себя тревогой, не выспитесь, и завтра будете разбиты. А это никому не нужно.

– Спасибо вам, Беатрис. И вам добрых снов, – искренне выдохнула я.

Она ещё раз улыбнулась, и её уход оставил после себя звенящую тишину.

Но как можно спать, когда только что узнал, что законы твоего мира рассыпались в прах? Что магия – не метафора, а самая что ни на есть реальность?

Сон бежал от меня, как дикий зверь. Я вновь осмотрела комнату – голые стены, скромная мебель, ничего, что могло бы дать ответ. Откуда я знаю язык? Названия предметов? Я могу думать, строить фразы, но моё прошлое – белое пятно. Сколько мне лет? Где мой дом? Кто меня ждёт?

Пустота, гуляющая эхом в черепной коробке.

Свеча на столе догорела почти до основания, её пламя захлёбывалось в омуте расплавленного воска, когда тяжёлые веки наконец

сомкнулись. Одеяло, казавшееся прежде грубым, теперь обняло меня тёплой, безопасной тяжестью. В голове проплывали смутные, бесформенные образы – вспышки цвета, обрывки звуков. Было ли это эхом прошлого? Или игрой уставшего, воспалённого воображения? Различить ничего не удавалось.

Утро пришло слишком рано. Меня разбудили шаги и тихий скрип двери.

– Елена, доброе утро. Как ваше самочувствие? – голос Беатрис прозвучал бодро, но в её взгляде читалась профессиональная оценивающая внимательность.

С огромным усилием я разлепила веки, которые казались налитыми свинцом.

– Спасибо, вроде целая, – мой голос был хриплым от бессонницы. – Вот только сон... он будто совсем меня забыл. – Скрывать было бессмысленно – синяки под глазами и восковая бледность говорили сами за себя.

– Боюсь, нежиться в постели вам не придётся. Господин Мирэй уже извещён о вашем пробуждении. Он ожидает вас после того, как вы приведёте себя в порядок, – сообщила Беатрис, и её слова упали в желудок холодным камнем.

– Что ж, скоро узнаю свою судьбу, – попыталась я сказать бодро, но получилось лишь горько и устало.

– Ночь без сна, конечно, на лице написана, – она прищурилась, изучая меня. – Синева под глазами, нет свежести... О, простите, дитя, я не в упрёк! – она спохватилась, увидев, как я невольно отвожу взгляд. – Я просто думаю, как нам это исправить. Господину следует предстать в лучшем виде.

– Всё в порядке, я и сама знаю, что выгляжу не лучшим образом, – я сгорбилась под одеялом. – А чувствую себя и того хуже.

Не поспать – полбеда. Страшно думать, что было *до* того, как я оказалась на той дороге...

– А как вы думаете, почему не спалось? – её вопрос прозвучал вдруг слишком заинтересованно. Была ли это простая беседа или очередная проверка на вменяемость?

– Я очнулась в незнакомом месте, без памяти, а потом узнала, что инквизиция и магия – это не из книг, а моя новая реальность, – я сжала виски пальцами. – Думаю, на моём месте и не такие бы истерики закатывали. Пока что я держусь.

– Мыслите ясно и логично, – кивнула Беатрис, и в её взгляде мелькнуло удовлетворение. – Это хорошо. А теперь позвольте осмотреть вас?

С её разрешения я покорно подчинилась осмотру. Лёгкие постукивания неврологическим молоточком, проверка реакции зрачков на свет, десяток других манипуляций – её движения были быстрыми и точными.

– Вижу лишь нервное истощение и усталость, что, впрочем, естественно, – заключила она. – Сейчас к вам зайдёт служанка, поможет собраться. Она же проводит вас к господину Мирэю. Удачи, Элена.

– Большое спасибо, – прошептала я, и от её слов сердце начало биться с бешеной частотой, словно птица, бьющаяся о клетку.

Дверь закрылась, и я осталась одна. Одна – с мелкой, предательской дрожью в коленях и холодным комом страха в груди. Предвкушение встречи с тем, кто держал мою судьбу в своих руках, смешалось с животным ужасом перед неизвестностью. Я закрыла глаза, пытаюсь собрать в кулак остатки сил, которых, казалось, уже не осталось вовсе.

Примерно через десять минут дверь снова приоткрылась. Вошла девушка с подносом в руках – лёгкая, почти бесшумная, как тень.

– Доброе утро. Меня зовут Ким, – сказала она, и в её голосе прозвучала смесь любопытства и подобострастия. Она поставила поднос на стол. – Я принесла ваш завтрак. Приятного аппетита.

Её взгляд, быстрый и оценивающий, скользнул по мне с ног до головы.

– Доброе утро, Ким. Спасибо. Меня... зовут Элена, – представилась я, опустив уточнение о том, что это имя – лишь временный островок в море забвения.

– После завтрака я помогу вам принять ванну, привести себя в порядок и провожу к господину Мирэю, – она говорила искренне, но с лёгкой застенчивостью, будто боялась сказать лишнее. – Он уже будет ожидать. Времени у нас немного, поэтому, пожалуйста, приступайте. А я пока подготовлю всё для омовения.

Пока она говорила, я тоже разглядывала её. Девушка не была красавицей, но и дурнушкой назвать её язык не поворачивался. Милостивое лицо, русые волосы, собранные в тугую, идеальную косу. Её наряд заставил меня внутренне удивиться: короткое чёрное платье, обтягивающее фигуру, и туфельки на небольшом каблучке. Как в таком можно работать? Одно неловкое движение...

Ким поклонилась, напомнив, что господин не любит, когда его заставляют ждать, и вышла. Я подошла к столу. На тарелке дымилась простая, но сытная еда: яичница с ломтиком бекона и кусок свежего хлеба. Я съела всё автоматически, почти не чувствуя вкуса – комок нервного напряжения в горле мешал всему.

Вскоре Ким вернулась и провела меня в небольшую, но чистую купальню, где уже ждала наполненная ванна. Я опустилась в тёплую воду, и тело с благодарностью отозвалось на тепло. На мгновение я даже зажмурилась, позволяя себе эту крошечную слабость.

Боковым зрением я заметила, как Ким намыливает большую мочалку, явно собираясь помочь мне.

– Это лишнее, я прекрасно справлюсь сама, – поспешила я сказать, протягивая руку за мочалкой.

Девушка замешкалась, на её лице мелькнуло недоумение, но она покорно отдала её.

– А волосы? – спросила она, озадаченно.

– С волосами тоже справлюсь. У вас, наверное, и так дел немало, – добавила я, и она округлила свои серо-зелёные глаза, но не стала настаивать.